

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ ГЕРЦЕНА О К. МАРКСЕ И Ф. ЭНГЕЛЬСЕ (1850—1851 гг.)

Сообщение В. А. Смирновой

Взаимоотношения основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса с Герценом — пожалуй, одна из самых трудных тем в истории развития общественной мысли России. Об этом много писали, много раз пытались объяснить широко известные факты их взаимного непонимания, недоброжелательности, а зачастую и вражды.

Существующие в этой области представления в современной советской историографии сводятся к следующему: Маркс и Энгельс, с одной стороны, Герцен — с другой, не знали друг друга лично, а информация, которую получал о них русский революционер от общих знакомых, «способна была лишь дезориентировать Герцена» (см. XI, 678, а также XIV, 513). Эта точка зрения берет свое начало от Г. В. Плеханова, утверждавшего, будто дурные отношения Маркса с Герценом сложились в результате целого ряда «печальнейших недоразумений»¹. Обращается также внимание на то, что формирование мировоззрения великого русского мыслителя (и это важно в первую очередь) происходило в социально-политической среде, резко отличной от той, в которой сложился марксизм. Противоположность классовых позиций и определила взаимную недоброжелательность и идейные расхождения².

Бесспорно, все это (особенно последнее соображение) верно. Однако из поля зрения исследователей выпадает существенный момент. Пусть все эти обстоятельства фатально воздвигали между ними барьер, однако трудно представить себе, что пытливая мысль Герцена могла пройти мимо революционной теории, открывшей новую эру в развитии человеческой мысли. Неужели в течение четверти века, с середины 1840-х годов и до своей кончины, Герцен не читал произведений Маркса и Энгельса и не имел представления об истинных масштабах и значении их деятельности? Изучение этой проблемы могло бы значительно обогатить картину идейной эволюции Герцена и показать, что его обращение к I Интернационалу было подготовлено не только успехами рабочего движения во второй половине 1860-х годов, но и знакомством с работами основоположников марксизма.

Как известно, Маркс и Энгельс, считая Герцена своим идейным противником, внимательно следили за его выступлениями и в печати и на арене общественной жизни. В общих чертах по произведениям, письмам, конспектам, маргиналиям Маркса и Энгельса марксоведами установлено, что и когда было прочитано ими «из Герцена»³. Подобная же работа по отношению к Герцену практически еще не проделана. Исследование здесь наталкивается на серьезные трудности. В произведениях и в письмах самого Герцена нет ни упоминаний о чтении книг и статей Маркса и Энгельса, ни прямых указаний на знакомство с их идеями. Однако отсутствие прямых источников в какой-то мере может быть восполнено косвенными данными — например, выявлением источниковедческой основы работ Герцена, скрытой конфронтации или, напротив, переклички, совпадения мыслей Герцена с идеями Маркса и Энгельса.

Наиболее перспективным представляется исследование того потока сведений, который Герцен мог (и, конечно, получал) от их общих знакомых и других лиц, имена которых неоднократно назывались и круг которых чрезвычайно широк. Это П. В. Анненков, М. А. Бакунин, Н. И. Сазонов, М. Гесс, А. Виллих, П. Ж. Прудон, Г. Герверг, К. Форт, А. Эвербек и многие другие. Обращение к их переписке и иным документам позволило бы в изучении отношения Герцена к Марксу и Энгельсу выйти за пределы анализа лишь высказываний Герцена о них в «Былом и будущем».

Разумеется, источники эти носят крайне субъективный характер, и сведения, полученные из них, нуждаются в постоянной проверке, а выводы по необходимости носят гипотетический характер. Однако уже сейчас, опираясь на них, можно немало сказать насчет той информации о Марксе и Энгельсе, которую Герцену удавалось получать от вышеупомянутых лиц: о том, что

Герцен читал работы Маркса и Энгельса в «Deutsch-Französische Jahrbücher»⁴, должен был знать о взглядах Маркса на историческую роль буржуазии и пролетариата (через Анненкова во время дискуссий в Париже в сентябре 1847 г.)⁵, был знаком с издаваемой Марксом газетой «Volk» (1859)⁶, возможно, знал «Манифест Коммунистической партии», был осведомлен о Кёльнском процессе коммунистов. Тем не менее в целом пласт «вторичных» источников с этой точки зрения еще не исследован.

Из этой проблемы в данном сообщении выделяется конкретная задача: на основании ряда опубликованных, но большей частью забытых материалов показать, какую реальную информацию получил Герцен о Марксе и Энгельсе в 1850—1851 гг. из брошюры немецкого публициста С. Зейлера «Das Komplott vom 13. Juni 1849, oder Der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich. Ein Beitrag zur Geschichte der Gegenwart», из писем и брошюры мелкобуржуазного публициста М. Гесса «Jugement dernier du vieux monde social» и из статьи мелкобуржуазного демократа Л. Симона «Das allgemeine Stimmrecht und die Arbeiterdiktatur».

Около 20 марта 1850 г. Герцен получил брошюру «Das Komplott vom 13. Juni 1849, oder Der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich», которая незадолго до того вышла в издании «Hoffmann und Campe» в Гамбурге. Ее автор, член Союза коммунистов С. Зейлер, в качестве редактора-стенографа французского Национального собрания был близко знаком с действующими лицами и событиями революции. Он был свидетелем разгрома 13 июня 1849 г. мирной демонстрации мелкобуржуазных демократов (партии Горы) против нарушения президентом республики Луи Бонапартом и большинством Законодательного собрания конституции Франции (бомбардировка и занятие французскими войсками Рима). Участником этой демонстрации был, как известно, и Герцен⁷. После победы реакции Зейлер стал жертвой репрессий и, общаясь в тюрьмах с представителями почти всех революционно-демократических и рабочих организаций Парижа, из первых рук получил информацию о планах и действиях Горы.

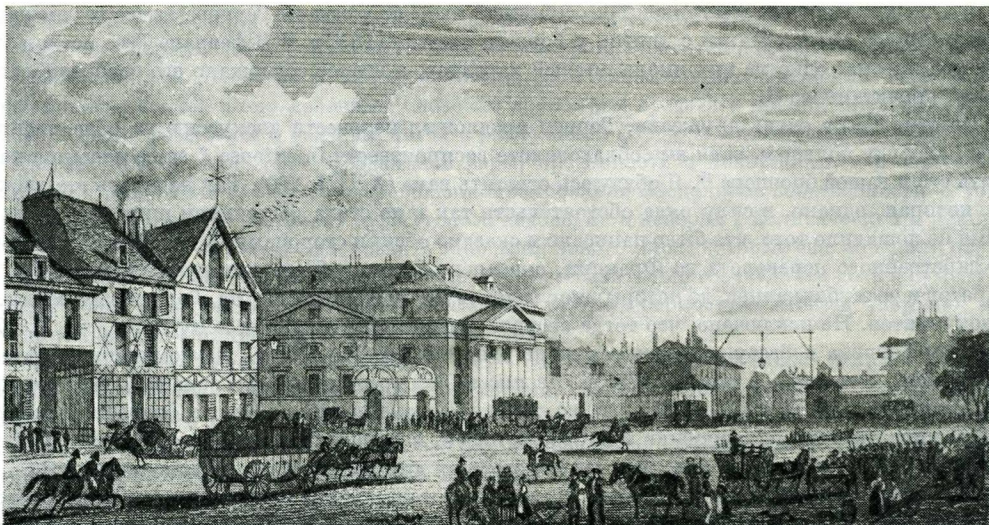
В повествовании Зейлера о ходе революции во Франции, ее влиянии на развитие революционных действий в других странах и предыстории событий 13 июня 1849 г. неоднократно упоминается Маркс, которого автор представляет как главу немецких коммунистов. Более того, брошюра открывалась посвящением Марксу, другу, редактору «Neue Rheinische Zeitung».

Говоря о политике французского республиканского правительства по отношению к немецким революционным рабочим в Париже весной 1848 г. и поощрении им планов вооруженного вторжения составленных из них отрядов в Германию, Зейлер указывает, что его истинная цель состояла в удалении из Парижа и Франции вообще опасного революционного элемента.

«Социалисты и коммунисты, — пишет он, — решительно высказались против всякого вооруженного насаждения немецкой республики извне. Они проводили свои открытые заседания на улице Сен-Дени⁸, на которых присутствовала и часть будущих вольных стрелков⁹. На одном из этих заседаний Маркс в пространном докладе подробно рассказал о том, что Февральскую революцию следует рассматривать лишь как самое начало европейского движения; что здесь, в Париже, в самом ближайшем будущем разразится открытое сражение между пролетариатом и буржуазией, как это и подтвердилось в июне¹⁰; что от этого сражения будет зависеть победа или поражение революционной Европы. Маркс призвал поэтому немецких рабочих оставаться в Париже и готовиться к защите и вооруженной борьбе. Кроме того, он прямо разоблачил некоторых из присутствующих вождей легионеров (например, Б. Бернштейна) как бывших полицейских агентов Дюшателя»¹¹.

Зейлер раскрывает позицию коммунистов и «Neue Rheinische Zeitung» в вопросе об освобождении и объединении Италии, в установлении братских связей между немецким и французским пролетариатом, их энергичную защиту июньских повстанцев Парижа. Он говорит, что, в отличие от немецких мелкобуржуазных демократов, основатели газеты, т. е. Маркс и Энгельс, не получали никаких денежных субсидий от французского Временного правительства. Зейлер рассказывает также о том, что в 1849 г. (после закрытия прусскими властями «Neue Rheinische Zeitung») Маркс с мандатом Центрального комитета демократов, полученным им от революционного правительства в Пфальце, представлял в Париже интересы немецкого народа и установил связь с представителями демократического и социалистического движения во Франции. В брошюре упомянуто и об участии Энгельса в Баденском вооруженном восстании.

Зейлер ссылается, рассказывая о событиях, непосредственно предшествовавших 13 июня, на соответствующее место в «Классовой борьбе во Франции», где Маркс разоблачает вождей Горы, отказавшихся принять предложение руководителей тайных рабочих обществ поднять восстание в ночь с 11 на 12 июня 1849 г.¹² Зейлер придает этим разоблачениям очень важное значе-

ПАРИЖ. ЗАСТАВА СЕН-ДЕНИ

Гравюра Ог. Пюжена, 1830

Из книги: «Paris und seine Umgebungen». Berlin, s. a.

В этом районе, на улице Сен-Дени, в 1848 г. находился клуб немецких рабочих, которым руководил К. Маркс. На той же улице помещался клуб «Братства народов», который посещал Герцен

ние. И здесь же он упоминает, что в Лондоне Маркс возобновил издание «Neue Rheinische Zeitung» в виде журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Отдельные моменты в брошюре позволяют предположить, что она составлялась не без участия Маркса¹³.

Брошюра Зейлера — хронологически первый из рассматриваемых материалов. Следующую группу составляют письма и брошюры немецкого социалиста М. Гесса. В 1840-х годах Гесс был активным участником духовных исканий передовой немецкой молодежи. Он работал вместе с Марксом в «Rheinische Zeitung», затем был членом Союза коммунистов, а во второй половине 1860-х годов входил в Международное товарищество рабочих, выступал против бакунизма и прудонизма. Однако его идейное развитие отмечено сложными, зачастую неожиданными поворотами. Так, в середине 1840-х годов Гесс оказался одним из создателей сентиментально-мещанского, реакционного «истинного социализма», который был подвергнут жестокой критике Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»; после раскола в Союзе коммунистов в сентябре 1850 г. Гесс увлекся авантюристическими планами фракции Виллиха — Шаппера; в конце 1850-х — начале 1860-х годов выступал с буржуазно-националистическими позициями (не отказавшись от них до конца жизни), а затем стал лассальянцем. Маркс не раз крайне неодобрительно отзывался о писаниях и практической деятельности Гесса, называл его «путаной головой», но считал честным человеком¹⁴.

С момента знакомства с Марксом в начале 1840-х годов Гесс стал его восторженным поклонником. Это не мешало ему, однако, затаить личную обиду на Маркса и Энгельса за их, по его мнению, резкую и несправедливую критику его взглядов. При этом, к чести Гесса, он сохранил способность более или менее объективной оценки роли Маркса в создании научного коммунизма.

Герцен познакомился с Гессом, вероятно, в конце 1848 г.¹⁵ После поражения революции 1848—1849 гг. Гесс очутился в числе прочих немецких эмигрантов в Цюрихе. Оказавшись в трудном материальном положении, он обратился за помощью к Герцену через посредство Ф. Каппа¹⁶, который в это время был учителем Саши Герцена. 26 ноября 1849 г. Герцен ответил Гессу. Так письменно, а затем, возможно, и лично возобновились их контакты¹⁷.

Именно в это время в Цюрихе печаталась работа Герцена «Vom anderen Ufer». Книга увидела свет в начале 1850 г., однако корректурные листы читались в демократических кругах еще ранее, до ее выхода из печати. В 1855 г. во введении к русскому изданию этой работы Герцен писал: «В начале 1850 г. книга моя сделала много шума в Германии, ее хвалили и бранили с ожесточением» (VI, 9; см. также XXIII, 321 и выше, в статье «Герцен и Германия»).

В этих критических выступлениях особенный интерес у самого Герцена вызвали замечания Гесса, который познакомился с книгой у Гервега в начале 1850 г.¹⁸ В феврале Гесс послал Герцену два письма, одно из них имело личный характер, а второе содержало его соображения по поводу прочитанного¹⁹.

Ответив Гессу очень дружески, Герцен предложил перенести дискуссию на общественную арену: «Я буду польщен, если вы соблагovolите воспроизвести *in extenso* * ваше письмо и напечатать его в вашей брошюре²⁰. Я обязуюсь ответить вам» (XXIII, 290). Так началась эта дискуссия, которая, однако, в силу ряда обстоятельств так и не стала достоянием широкой публики. Время не пощадило того, что было написано и сказано обеими сторонами. В декабре 1851 г. после государственного переворота во Франции, опасаясь обсыха и боясь скомпрометировать тех демократов и республиканцев, до которых могла дотянуться рука Бонапарта, Герцен сжег множество документов. Не исключено, что тогда сгорели и некоторые письма к нему Гесса (см. X, 476). Из писем Герцена к Гессу сохранилось лишь одно, от 3 марта 1850 г., и упоминание о втором, написанном, очевидно, в ноябре 1851 г. Из писем Гесса, полученных Герценом, уцелело тоже одно, датированное 18 ноября 1851 г.²¹, но зато до нас дошли относящиеся к февралю — апрелю 1850 г. многочисленные черновики и наброски писем, написанных в форме полемических статей и заметок²². Эти источники дополняются некоторыми другими, о которых говорится ниже.

Гесс в этой полемике, по его словам, представлял точку зрения пролетарской партии, открыто объявляя себя сторонником Маркса, проводником его взглядов. Правда, марксистским мировоззрением Гесса во все времена, даже в пору его наибольшего сближения с Марксом, может быть названо лишь очень условно²³.

Однако следует попытаться посмотреть на эту дискуссию с несколько иной точки зрения и определить, какую же информацию о Марксе и Энгельсе мог получить Герцен из полемических писем Гесса. Нам придется прибегнуть к обширным выдержкам из документов как уже известных русскому читателю, так и приводимых здесь впервые. При этом следует отметить, что в ряде вопросов, несмотря на вулгаризацию, Гессу удалось с известной мерой точности изложить некоторые существенные положения учения Маркса и Энгельса.

Уже в самом начале (в той статье, которую Гесс помечает цифрой 1 — см. прим. 22) он пытается ответить на многие вопросы, затронутые в книге Герцена «*Vom anderen Ufer*»: об объективности законов исторического развития, роли личности в истории, историческом детерминизме и т. д.

«В обществе, — пишет Гесс, — как повсюду, способ добывания средств к жизни есть тот центральный пункт, вокруг которого сосредоточивается весь образ жизни, а значит, в исторической жизни сознательных существ и весь их образ мыслей»²⁴.

Получив предложение Герцена перенести их полемику в печать, Гесс в марте-апреле 1850 г. работает над 2-й, 3-й и 4-й статьями «Писем к Искандеру». Круг вопросов, явившихся объектом полемики, здесь расширяется и выходит за пределы работы «*Vom anderen Ufer*». Во-первых, сам Герцен в письме от 3 марта обратил внимание Гесса на речь реакционного испанского политического деятеля Доново Кортеса, которую тот произнес 30 января 1850 г. и которая мрачными предсказаниями гибели Европы и нашествия «славянских варваров» произвела сильное впечатление на определенные слои европейского общества. Далее, после 18 марта, Гесс получил еще одну книгу Герцена — «*Briefe aus Italien und Frankreich*», его статью о Доново Кортесе и одновременно с этим первый выпуск издававшегося в 1850 г. журнала Маркса и Энгельса «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*». Это дало Гессу возможность прибегнуть к новым аргументам и прямо сослаться на Маркса в защиту своей точки зрения.

В большом письме, написанном после получения письма Герцена от 3 марта, Гесс разбирает главным образом речь Доново Кортеса²⁵. Это дает ему предлог для изложения некоторых положений исторического материализма Маркса и понимания на их основе конкретного исторического процесса.

«Если в общественных отношениях и связях, порождаемых среди людей определенным способом общественного производства, мы будем видеть только отражение этих общественных отношений в сознании, т. е. только духовную связь, тогда и в разложении общественных отношений мы увидим только разложение духовных связей, лишь отражающих, как в зеркале, движение самой действительности; тогда тончайший цвет общественной жизни, мораль и религия превратятся у нас в ее корень, вершина пирамиды — в ее основание и мы вообразим, что старые, разложившиеся общественные отношения могут быть восстановлены по-

* полностью (лат.).

средством восстановления старых духовных связей; тогда мы будем гибель данного мира выводить из гибели его морали, тогда борьба за господство в мире превратится в борьбу за моральные преимущества той или другой расы; тогда различные фазы общественных отношений, возникающих и исчезающих вместе с определенным способом добывания средств к жизни, превратятся в соответствующие фазы веры и неверия; тогда в разложении феодальных отношений собственности мы увидим только разложение феодальной веры, преданности и покорности, а в зарождении, развитии и результате буржуазного революционизирования феодальной собственности — только зарождение, развитие и результат буржуазного недоверия и неверия в политической и религиозной сфере; тогда мы не сможем распознать зародыши нового мира, которые еще не нашли отражения в сознании, потому что они таятся пока в мире бессознательного; тогда мы хоть и сумеем разглядеть конец буржуазной революции, последнюю степень отрицания, атеизм, анархию, но за нею не увидим ничего, кроме мрака, сплошного мрака.

«Ничего, кроме мрака, — продолжает Гесс, — сплошного мрака не может открыть и ваш философ «с того берега», когда буржуазная революция, вступив в свою третью и последнюю фазу и перейдя тем самым в пролетарскую революцию, развернется до конца. — Как русский вы видите, правда, в славянском нашествии «белый парус ковчега» за сумрачными «волнами карающего потопа», наступление которого вы видите как философ, — между тем как Донозо Кортес видит в этом нашествии только вторжение варваров, которые пройдут по Европе с оружием в руках и сами впитают в себя яд разрушительных идей, которые они найдут у нас»²⁶.

Пессимизму Герцена, его скептическому отношению к революционному потенциалу Европы Гесс противопоставляет веру в пролетарскую революцию, которая принесет обновление старому миру:

«Но если эта положительная идея есть нечто большее, чем утопия, если она есть идеологическое выражение реальных отношений, то ее содержание совпадает с содержанием нашей нынешней революции, то эта революция, наносящая смертельный удар старому миру, уже должна в самой себе носить зародыш нового мира. А если в нашей революции содержится зародыш нового мира, если наши антагонистические отношения производства и собственности таят в своих недрах предпосылки тех гармонических отношений, которыми будут уничтожены все классовые и расовые различия, — тогда, дорогой друг, эти предпосылки будут получены нами не от славян, как вы думаете, с их общинным землеустройством»²⁷.

Если в этом втором письме Гесс изложил (с той или иной степенью точности) взгляды Маркса и Энгельса, то в следующем, третьем письме²⁸ он прямо пишет о самом Марксе: «Наконец-то, наконец я получил «Voix du Peuple», газету Прудона, в которой как *premier-Paris* * напечатан ваш ответ на речь г-на Донозо Кортеса, маркиза Вальдегамаса. Одновременно с этой газетой я получил еще две интересные вещи: ваши изданные Гофманом и Кампе письма об Италии и Франции²⁹ и первый выпуск выходящего в Лондоне политико-экономического обозрения Маркса»³⁰.

«Если вы хотите, — продолжает Гесс, — узнать разницу между вашим идеологическим и нашим реалистическим, или, коли угодно, материалистическим, пониманием истории, то только сравните вашу оценку французской истории с Июльской революцией 1830 г. до июньских боев 1848 г. и после, изображенную в ваших последних письмах, с Марксовой оценкой того же исторического периода в первом выпуске вышеупомянутого обозрения...

Если вы хотите ближе познакомиться с отношением нашей партии к Прудону, то прочтите только французское сочинение Маркса против Прудона («*Misère de la philosophie, réponse à la Philosophie de la misère de M. Proudhon*» par Karl Marx. Paris, Franck, 69, rue Richelieu). Я прошу вас прочесть вещи Маркса, прежде чем вы составите себе окончательное мнение о нашей партии. Прочтя эти вещи, которые, надо надеяться, еще можно будет достать в Париже у книготорговца Франка, 69, rue Richelieu, или где-нибудь в Брюсселе, вы убедитесь, что учителя социализма (т. е. пролетарии) находятся не в Германии, а там (в Англии)³¹.

Я знаю хорошо, что, только отчаявшись в европейской революции, стали вы утешаться вашей славянской иллюзией: как только события в Европе, во Франции, в Париже начнут складываться более благоприятно для революции, так славянская иллюзия отойдет у вас на задний план. — Однако в самой-то европейской революции вы так легко отчаиваетесь потому, что берете ее только или, во всяком случае, главным образом с ее идеологической стороны. По той же причине вы восстаете вместе с Прудоном и немецкими философами против «убивающего свободу» коммунизма. Если бы вы поняли коммунизм не как утопию, а в его политическом значении, как историческое

* передовая статья парижской газеты (франц.).

движение, как пролетарскую революцию, как борьбу пролетариата за свое освобождение от господства буржуазии, как стремление рабочих избавиться от своих опекунов, от своих нынешних управителей, и взять управление своим трудом в свои собственные руки, — словом, если бы вы поняли коммунизм как классовую борьбу, — тогда бы вы сумели по достоинству оценить набившие оскомину фразы об уничтожении «личной свободы» и все прочие банальные упреки, все еще бросаемые с точки зрения действительности или с идеологической точки зрения буржуазии по адресу даже тех представителей пролетариата, которые уже давным-давно отказались от утопического коммунизма»³².

Очень важна содержащаяся в третьем письме критика взглядов П. Ж. Прудона, в которой Гесс опирается на работу Маркса «Нищета философии». Таким образом, Гесс не только отсылает Герцена к работе Маркса, но и раскрывает ее отдельные положения. Говоря о Прудоне, Гесс подчеркивает принципиальное отличие мировоззрения Прудона от научного коммунизма, показывает его классовую сущность и говорит Герцену, что тот, по существу, не понимает этого французского философа; что в данный момент, даже с точки зрения Прудона, абсолютно не оправдан пессимистический взгляд на ход исторических событий в Европе.

«Прудон — представитель буржуазной анархии (революции) в ее последней фазе, представитель промышленных буржуазных средних классов, которые еще эксплуатируются и в городах, и в деревне крупными финансистами, банкирами и рантье. Если Прудон считает себя представителем подлинного народа, наемных рабочих, пролетариев, то это простительная и весьма естественная иллюзия, ибо огромное большинство французского народа принадлежит к представляемым им средним классам, и эти последние, чтобы избавиться от своих кровопийц, вынуждены делать одно дело с пролетариатом, который, в свою очередь, сам по себе во Франции еще слишком слаб, слишком мало развит для самостоятельного революционного выступления. Но Прудон знает, что его устремления имеют под собой реальную почву, что за ним стоит свыше 20 миллионов французов и что достаточно ему разъяснить им их положение, как его успех будет обеспечен. В этом тайна его силы и его самоуверенности. Он ошибается лишь в том, что принимает последнюю фазу буржуазной революции за конечную цель нашей революции. В тот момент, когда представляемые Прудонем средние классы, соединившись с пролетариатом, которого он не предвещает, одержат победу, в тот самый момент тем же ударом, который порвет последние оковы промышленных средних классов, последняя буржуазная революция будет превращена в пролетарскую, в революцию, по отношению к которой Февральская была только прелюдией, только предвестием. За этой последней буржуазной революцией последуют июньские бои не к выгоде буржуазии, а к выгоде пролетариата — и тогда роль П. Ж. Прудона будет сыграна, тогда он тоже начнет сомневаться и испуганно отступать. Но до тех пор его мощь и самоуверенность могут только усиливаться.

Если бы вы были действительным сторонником прудоновской партии, если бы вы подошли к ее устремлениям не только с их идеологической стороны, то вы сейчас еще не могли бы так легко отчаяться в революции, — будь же вы действительным сторонником партии пролетариата, вы не могли бы так легко отчаяться в ней и после»³³.

В другом наброске к тому же письму³⁴ Гесс продолжает критику взглядов Прудона. Он вновь излагает взгляды Маркса и прямо ссылается на него:

«К чему стремится Прудон? К чему стремится Франция в экономическом отношении? К чему стремилась с этой точки зрения уже Февральская революция? — Свергнуть класс рантье, уничтожить эксплуатацию промышленных средних классов финансистами, так называемое «ростовщичество». — Как же должна быть уничтожена, по господину Прудону, эта эксплуатация «человека человеком», т. е. промышленника крупным банкокрatom? — Последством сведения цены всех продуктов к стоимости их производства: производители — «рабочие», как полагает Прудон, — должны получить возможность обменивать продукты на продукты без необходимости прибегать к монополизированному средству обмена, находящемуся в руках банкократов, этих монополистов, которые требуют за свой кредит уплаты процентов, и притом «ростовщических». — С этой целью, а равно и по некоторым другим соображениям Прудон изобрел «народный банк».

Что так называемый «народный банк» может найти применение после победы пролетариата, т. е. после того, как крупная промышленность будет централизована пролетарской государственной властью, и будет вестись на ее счет, — этого я не оспариваю ни одной минуты. Но не с этой целью был он «изобретен» Прудонем. Прудон, буржуазный «анархист» и заклятый враг пролетарской государственной власти, воображает, напротив, что он сможет осуществить свою «идею»

на основе существующего способа добывания средств к жизни, только устранив с помощью все той же «идеи» «злоупотребления» этого способа.

Итак, если отбросить иллюзорную сторону прудоновской «идеи», то мы найдем, что в Англии она уже осуществлена — осуществлена без политической революции, осуществлена на основе существующего порядка, осуществлена предшествующим *экономическим* развитием буржуазного способа производства, осуществлена одними лишь успехами современной *буржуазной промышленности*.

Поскольку прогресс промышленности сосредоточил в руках промышленной буржуазии довольно значительные капиталы, он уже понизил в Англии процентную ставку до минимума. Поскольку промышленный прогресс переместил центр тяжести общества, жизненные средства общества и их производство из землевладения в промышленный капитал, постольку он прорвал монополию, связывающую промышленность и торговлю, реформировал в буржуазных интересах феодальное законодательство старой Англии, уничтожил хлебные законы, эту последнюю твердыню феодальных рантье, — словом, превратил политическую и экономическую зависимость буржуазной промышленности от феодального «ростовщичества», зависимость «хлопчатобумажного барона» от феодального барона в зависимость последнего от первого. — То, что Прудон выдвигает в качестве требований «социализма», *социальной революции*, сведение товарных цен к стоимости производства, пропорциональность заработной платы рабочему времени, обмен продуктов на продукты, уничтожение государственной власти, армии и ростовщичества, свобода и свободная торговля, — все эти *революционные* требования французских «социалистов» уже давно были *консервативными* требованиями английских экономистов, например Рикардо, и в той мере, в какой они были осуществлены, они привели не к воображаемому «равенству» французских «социалистов», а к образованию английского пролетариата. В этом отношении я должен еще раз рекомендовать вам работу Маркса против Прудона, в которой все это вы найдете изложенным *in extenso* и с четкостью, не оставляющей места ни для каких сомнений. Правда, буржуазия всех стран издавна обольщалась гуманистическими иллюзиями насчет своих стремлений, но ни в одной стране настолько, как во Франции, и Прудон является прежде всего классическим представителем *иллюзий* французской буржуазии.

Прудон отождествляет производителя (руководителя труда) с непосредственным рабочим, что в условиях и при высоком уровне современного способа производства так же смешно, как отождествление фабриканта с машиной. Прудон смешивает существующую еще во Франции классовую противоположность банократии и промышленной буржуазии с классовой противоположностью буржуазии и пролетариата, до которой противоположности нашего антагонистического общества упростились только в Англии»³⁵.

Далее Гесс развивает тезис о близости пролетарской революции в Европе, неизбежность и успех которой определяют два фактора: зрелость социально-экономических отношений в Англии и революционность французского пролетариата.

Гесс подчеркивает авангардную роль пролетариата как «аванпоста всякой революции» и утверждает, что «ближайшая французская революция должна будет превратиться в мировую революцию, потому что она вызовет мировую войну, — в революцию пролетарскую, потому что она поднимет английский пролетариат»³⁶.

Один из самых интересных моментов в третьем письме Гесса — попытка охарактеризовать историческое значение Маркса. Эта оценка не однозначна. С одной стороны, Гесс сумел правильно определить масштаб личности и историческую роль Маркса. Он называет его «бесспорно гениальнейшим человеком нашей партии»³⁷; в другом наброске — «самым выдающимся, самым талантливым, самым гениальным человеком нашей партии»³⁸. Гесс пишет Герцену: «Вы так же мало, как и я, почувствуете себя обиженным, если я скажу, что манеру изложения Маркса я воспринимаю по сравнению с вашей и моей как неизгладимые письмена, выгравированные на бронзе железным резцом, тогда как нашу я сравнил бы самое большее с опрятным рисунком на веленовой бумаге»³⁹.

С другой стороны, Гесс не может скрыть своего личного недоброжелательного отношения к Марксу, затаенной обиды на его резкую критику. Видимо, понимая, что эти обиды покажутся ничтожными, что такие чувства не делают ему чести и могут уронить его достоинство в глазах Герцена, Гесс дважды пишет и дважды зачеркивает тот абзац письма, в котором содержится и высочайшая оценка Маркса, и мелочная критика его характера.

То обстоятельство, что Гесс так упорно искал приемлемого выражения для своих противоречивых чувств, а главное для характеристики роли Маркса, позволяет сделать предположение,

что эта характеристика все-таки вопля и в окончательный вариант письма, предназначенный для отправки Герцену и для печати.

Последняя статья цикла «Писем к Искандеру»⁴⁰ составлена Гессом после получения статьи Прудона «*Philosophie du 10 mars*», написанной им в связи с успехом демократических сил Парижа на дополнительных выборах во французское Законодательное собрание 10 марта 1850 г. и опубликованной в «*Voix du Peuple*» 25 и 29 марта 1850 г. Эта статья дала Гессу повод вновь обратить внимание Герцена на несостоятельность воззрений Прудона и его подлинную классовую сущность.

В данном письме Гесс прямо не упоминает Маркса, но обыгрывает название его работы, направленной против Прудона: «Сам Прудон своей новейшей «Философией 10 марта» лучше, чем кто-либо другой, сделал явной тайну «*Misère de la philosophie*», которая стояла за его «*Philosophie de la misère*»»⁴¹.

В «Письмах к Искандеру» Гесс в самых общих чертах изложил основы исторического материализма, цели пролетарской революции, дал критику взглядов Прудона⁴², подчеркнул разницу между научным коммунизмом Маркса и утопическим коммунизмом и социализмом и, наконец, попытался определить историческое значение Маркса как идеолога и главы пролетарской партии, а также назвал некоторые его работы.

Параллельно с работой над «Письмами к Искандеру» Гесс предпринимает шаги к их публикации. По его замыслу они должны были войти в брошюру, в первой части которой он хотел поместить «Письмо к европейской буржуазии»⁴³. С этой целью 18, 27 марта и 5 апреля 1850 г. он отправил свои предложения издательской фирме «*Hoffmann und Campe*»⁴⁴. С последним письмом издатель Ю. Кампе получил от Гесса и рукопись брошюры.

25 апреля Гессу было сообщено, что «Письмо к европейской буржуазии» в сложившейся обстановке в Германии публиковать нельзя, что же касается писем Герцену, то их выпуск возможен и издатели выразили согласие договориться о его условиях⁴⁵. Однако издание, по-видимому, так и не было осуществлено⁴⁶. Возможно, этому помешал переезд Гесса в апреле 1850 г. в Женеву⁴⁷.

В сентябре того же года произошел раскол в Союзе коммунистов и Гесс оказался в лагере противников Маркса, среди сторонников немедленного революционного действия, хотя создавшиеся условия социально-экономической и политической жизни в Европе исключали тогда всякую возможность успеха. Примкнув к авантюристической фракции Виллиха — Шаппера, Гесс возглавил общину отколовшегося союза в Женеве⁴⁸. Удивительное смещение идей в его голове в результате самых противоречивых влияний отразилось в работе, которую важно рассмотреть для решения поставленной перед нами задачи. Речь идет о брошюре «*Jugement dernier du vieux monde social*», над которой Гесс начал работать в конце 1850 г. и которая вышла летом 1851 г.⁴⁹

В ее содержании нетрудно усмотреть следы полемики Гесса с Герценом. Представление о «старом социальном мире», под которым Гесс имеет в виду социально-экономические отношения в Европе, идет от Герцена⁵⁰ и самым причудливым образом переосмысливается Гессом. С одной стороны, он ждет грандиозной социальной революции и создания нового мира по принципу «от каждого по его возможностям, каждому по его потребностям» и считает, что это новое общество возможно лишь благодаря установлению власти трудящихся. С другой стороны, отходя даже от своего собственного более раннего анализа социально-экономического положения в Европе, Гесс в гораздо большей степени оказывается во власти эсхатологических и мессианских настроений. В страхе перед реакционными силами Европы он призывает к единству классовых и национальных интересов⁵¹.

Собственному тексту «*Jugement dernier*» предпослано введение «*De l'Allemagne*», в котором автор дает краткий очерк развития философской революционной мысли в Германии, начиная с Капта и кончая Марксом. Как и в «Письмах к Искандеру», Гесс выдвигает на первый план Маркса:

«После Фейербаха немецкая революция, если она хотела стать чем-то большим, чем негативной революцией, революцией лишь в интересах образованных и привилегированных, обязательно должна была покинуть область философии и переместиться в область политики. Это она и сделала уже перед Февральской революцией. Задолго до этой революции немецкая молодежь, которая до той поры принимала близко к сердцу лишь философию, душою и телом предавалась политике, быстро прошла различные фазы великого социального движения нашего века и приблизилась вскоре к последней социальной проблеме, к вопросу труда и собственности. Для этих

дерзких мыслителей, которые уже разделились с небесным капиталом, не представляло труда разделиться также и с капиталом земным.

Заметим, однако, что превращение философов в социалистов не могло произойти без каких-то первоначальных схваток с теми, кто, оставаясь верным своим философским традициям, протестовал против революции (с помощью невежественного народа, *массы, презренной толпы*, которую немецкие философы стали ненавидеть даже раньше, чем г-н *Тьер* употребил это выражение ⁵².

С большим воодушевлением социалисты боролись с этими философами-эгоистами, и последние, с тех пор как *Карл Маркс* объявил им войну, удалились со сцены, преследуемые презрительным смехом зрителей.

В настоящее время только те немецкие социалисты, которые признают в качестве своего вождя *Карла Маркса*, *срвав маску* с философских, экономических и политических консерваторов, не попадают больше ни в какие ловушки ни демократов, переряженных социалистами, ни утопистов, переряженных революционерами, ни буржуа, переряженных искателями разрешения проблем. Не только разрешение проблем, предложенное г. *Эмилем Жирарденом*, но и разрешение проблемы, предложенное г. *Прудоном*, разоблачено и показано немецкими социалистами в их действительной ценности.

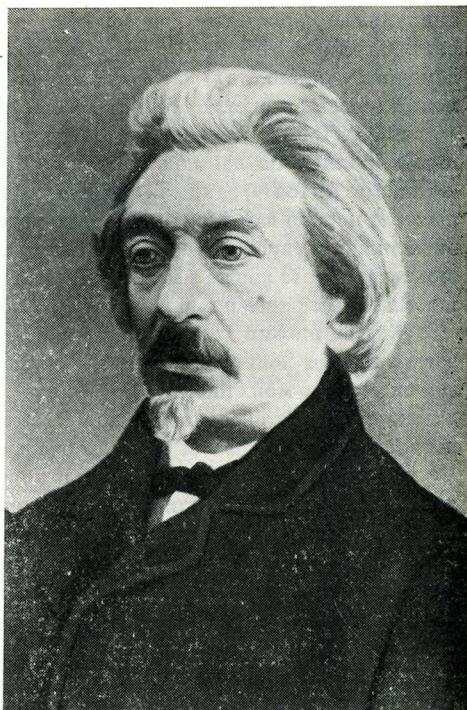
Незадолго до Февральской революции *Карл Маркс* написал против *Прудона* труд, в равной мере и ученый, и прекрасно выполненный, — труд, разоблачающий буржуазные идеи, временами абсурдные, которые лежали в основе философско-экономического труда *Прудона*. Замечательная работа *Маркса*, слишком мало известная во Франции, была написана по-французски ⁵³. В *«Новой рейнской газете»*, впоследствии запрещенной прусским правительством, но продолженной в *Лондоне* в форме ежемесячного журнала под заголовком: «Политико-экономическое обозрение» ⁵⁴, те же самые социалисты отличились верным определением социального положения в Европе. Зато эти всезнающие немецкие социалисты не могут ничего сделать. Для атаки на старый социальный мир они располагают лишь оружием критики. Они превосходнейшим образом владеют искусством рассекал мертвое тело нашего общества, анализировать его экономику и показывать его болезнь, но для воодушевления, которое электризует и увлекает народ, они слишком материалисты. Покинув идеалистическую философию, они бросились в объятия материалистической экономики. Они поменяли туманную концепцию немецкой философии на узкую и мелочную концепцию английской политической экономии ⁵⁵.

Немецкое племя вращается между двумя крайностями: немецким спиритуализмом и английским материализмом.

Немецкие социалисты, о которых мы говорим, не составляют также большой революционной партии, как французские социалисты; это лишь школа ученых-экономистов с тем же малым числом приверженцев и с теми же претензиями, как философская школа, к которой они некогда принадлежали. Масса народа, пролетариат городов и сел, разоренная мелкая буржуазия, все те классы, которые составляют силу французских социалистов, не стоят за ними» ⁵⁶.

В следующей главе Гесс говорит о Марксе лишь мимоходом, при сравнении его с *Прудоном*: «*Прудон* не уступает ни одному немецкому социалисту, даже *К. Марксу*, не обладая, впрочем, ни оригинальностью, ни эрудицией, ни диалектикой последнего» ⁵⁷.

Как и в «Письмах к Искандеру», Гесс делает попытку определить в общих чертах роль *Маркса* в развитии немецкой философской мысли. Но здесь появляется новая нота. Если раньше критические замечания Гесса определялись личными мотивами, то теперь он пытается найти при-

МОЗЕС ГЕСС

Фотография, 1850-е гг.

Из книги: Moses Hess. Briefwechsel.

'S-Gravenhage, 1959

ципальные «просчеты». Он серьезно недооценивает (вернее, вполне сознательно игнорирует) роль Маркса и Энгельса (в первую очередь он имеет в виду именно Энгельса, когда говорит о немецких социалистах) как революционеров, политических борцов и вождей пролетариата. Этот новый оттенок в оценке Маркса Гессом прямо связан с расколом в Союзе коммунистов.

10 мая 1851 г., отправляя Л. Кроликовскому (стороннику икарыйского утопического коммунизма, поляку по национальности, в 1848—1851 гг. фактическому редактору газеты Э. Кабе «Populaire de 1841») заключительные статьи серии «Jugement dernier», Гесс пишет: «Если вы пожелаете, я пошлю вам через несколько недель новую серию статей, может быть под тем же названием, в адрес европейской буржуазии»⁵⁸. Это упоминание об обращении к европейской буржуазии наталкивает нас на мысль, не собирался ли Гесс после «Jugement dernier» вернуться к не осуществленным ранее планам публичной полемики с Герценом?

Другое письмо Гесса к Кроликовскому, от 21 ноября 1851 г., позволяет утвердительно ответить на этот вопрос: «Я думаю, — пишет Гесс, — что послужу нашему общему делу, отправляя вам экземпляр моих писем гражданину А. Герцену, чтобы опубликовать их или в одном из журналов, или в фельетоне вашей газеты»⁵⁹. Эти письма, которые я пишу сейчас Герцену и которые мне позволено опубликовать, были бы очень своевременны»⁶⁰.

Таким образом, между маем и ноябрем 1851 г. возникает и организационно оформляется идея возобновления публичной дискуссии между Герценом и Гессом о судьбах революции в Европе. Кто был ее инициатором на этот раз? Вероятно, сам Герцен. Упомянутое выше письмо к Герцену от 18 ноября 1851 г. Гесс начинает следующими словами: «Я получил ваше письмо с двумя экземплярами вашей новой работы»⁶¹, которую я передал гражданину Гринану»⁶². Тысяча благодарностей за честь, которую вы мне оказали, предложив мне вступить с вами в дискуссию по вопросам, которые вы изложили в вашем письме к Мишле»⁶³.

Многое неясно в ноябрьской полемике. Мы не знаем, хотел ли и использовал ли Гесс в ней свои письма к Герцену от февраля — апреля 1850 г., сколько было написано писем в ноябре 1851 г., помимо упомянутого выше. Два события роковым образом сказались на судьбе этой второй дискуссии: 15 ноября 1851 г. в кораблекрушении погибли мать и сын Герцена, а 2 декабря того же года во Франции произошел государственный переворот.

Теперь следует вернуться на несколько месяцев назад и обратиться к журналу «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», который издавался в 1850 — первой половине 1851 г. А. Колачеком и служил трибуной для крайней левой франкфуртского Национального собрания. Герцен довольно активно сотрудничал в этом журнале: в августе 1850 г. он опубликовал в нем статью «Omnia mea mecum porto», а в декабре того же года «Эпилот 1849»; в 1851 г. здесь печатался немецкий перевод его работы «О развитии революционных идей в России» под псевдонимом *Искандер*. Вокруг герценовских работ в журнале завязалась активная полемика, в которой приняли участие Р. Зольгер, Я. Фальмерайер, К. Науверк и некоторые другие авторы»⁶⁴.

Мы извлечем из этой полемики лишь одну статью, имеющую прямое отношение к нашей теме. Речь пойдет о выступлении Л. Симона, адвоката из Трира, бывшего депутата франкфуртского Национального собрания. Симон в марте и мае 1851 г. опубликовал в журнале Колачека обширную статью под названием «Всёобщее голосование и рабочая диктатура»⁶⁵. Он выступил в ней в защиту буржуазно-демократических свобод, одновременно и против Герцена»⁶⁶, и против Маркса, которые, в отличие от автора, на опыте революции 1848—1849 гг. показали их ограниченность и бесплодность. Симон защищал по существу право обывателей, мелких буржуа, составлявших тогда большинство населения в городах Германии.

Выразив сожаление в связи с расколом в среде революционно-демократической эмиграции и подвергнув критике взгляды отдельных представителей утопической социалистической мысли (Прудон, Л. Блан), Симон, однако, главный удар направил против О. Бланки и особенно против Маркса и Энгельса»⁶⁷, против идеи диктатуры пролетариата. Полемизируя с ними, он включил в свою статью пространные выдержки из важнейших работ Маркса и Энгельса, опубликованных в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», в которых они анализируют опыт и уроки революционных битв 1848—1849 гг. («Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» Энгельса: первый, второй и третий международные обзоры, принадлежавшие перу Маркса и Энгельса). Статья Симона производит впечатление бессильной попытки опровергнуть марксистский анализ опыта буржуазно-демократической революции и роли в ней пролетариата. Ее злобный и натужно-пронический тон, не говоря уже о прямых искажениях и вульгаризации,

жалок рядом с неумолимой логикой Марксовой мысли. Симон по существу целиком остается на «домартовских», дореволюционных позициях, не сумев извлечь никаких уроков из событий 1848 г.

Полемику с Марксом и Энгельсом Симон начинает следующим образом: «Еще не залечена глубокая рана, нанесенная свободе июньской битвой в Париже, и кто знает, когда она будет залечена полностью? Однако и во Франции, и в Германии не перевелись лица, ежедневно вливающие новый яд и выдающие спасение мира лишь в полном господстве *одного* класса *над всеми остальными*. Если раньше осуществлял господство *класс дворян через королевскую власть*, то теперь должно наступить время *диктатуры рабочих* в лице какого-нибудь *коммунистического вождя*. В немецкой литературе эта точка зрения в наиболее острой форме представлена Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Передо мной лежат пять тетрадей издаваемого ими политико-экономического обозрения под названием «*Neue Rheinische Zeitung*»⁶⁸, в котором мы встречаем представление о французских отношениях, не только прямо противоположное нашему⁶⁹, но и видим, как это представление переносится на совершенно отличное от французского положение Германии, да и на положение всей остальной Европы»⁷⁰. Далее Симон приводит следующее высказывание из работы Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию»: «*С момента июньского поражения 1848 г. для цивилизованной части европейского континента вопрос стоит так: либо господство революционного пролетариата, либо господство тех классов, которые господствовали до февраля. Среднее решение уже невозможно*»⁷¹.

Симон воспроизводит оценку июньской борьбы парижского пролетариата, данную Марксом в «Классовой борьбе во Франции»:

«Только поражение его открыло ему ту истину, что малейшее улучшение его положения в рамках буржуазной республики остается *утопией* и что эта утопия становится преступлением при первой попытке осуществить ее. Тогда на место требований, к удовлетворению которых пролетариат хотел принудить февральскую республику, требований, чрезмерных по форме, но мелочных и даже все еще буржуазных по существу, *выступил смелый революционный боевой лозунг: Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!*»⁷²

Требование диктатуры пролетариата вызывает особенное негодование у Симона; он противопоставляет ему всеобщее избирательное право, мечтая на его почве объединить неосуществленные стремления к социальному освобождению пролетариата и интересы республиканской буржуазии, в том числе и мелкой; он считает необходимой «действительную коалицию *всех* подлинных республиканцев»⁷³. В то же время Симон вынужден признать, что в определенных условиях бывает необходима диктатура, энергичная власть, но требует, чтобы это была диктатура... всех партий, силы которых нужны для победы⁷⁴.

Полемизируя с Марксом и Энгельсом о значении всеобщего избирательного права, Симон приводит значительные выписки из «Второго международного обзора» и из «Третьего международного обзора. С мая по октябрь» (совместные работы Маркса и Энгельса) и статьи Энгельса «Авглийский билль о десятичасовом рабочем дне». Приводимые тексты показывают, что в оценке роли всеобщего избирательного права Маркс и Энгельс исходили из конкретных, исторически сложившихся национальных и социальных условий, из соотношения классовых сил, отнюдь не абсолютизируя и в то же время не отказываясь от использования этого демократического института рабочим классом.

Полемика с идеей диктатуры пролетариата вынудила Симона привести также некоторые фрагменты перечисленных работ Маркса и Энгельса, в которых ставились вопросы о союзниках пролетариата, в частности о его взаимоотношениях с мелкой городской буржуазией и крестьянством.

«Французские рабочие, — цитирует Симон «Классовую борьбу во Франции», — не могли двинуться ни на шаг вперед, не могли ни на волос затронуть буржуазный строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариям как к своим передовым борцам»⁷⁵.

Он приводит из «Германской кампании за имперскую конституцию» отрывок, в котором Энгельс анализирует степень зрелости и расстановку классовых сил в Германии в революции 1848—1849 гг.

«В Бадене, как и вообще в Южной Германии, почти нет крупной буржуазии... Этому отсутствию противоположности между буржуазией и пролетариатом и вытекающему отсюда политическому преобладанию мелкой буржуазии следует приписать то обстоятельство, что Баден,

собственно говоря, никогда не знал социалистической агитации. Начатки социалистических идей, привнесенные извне либо через посредство рабочих, побывавших в более развитых странах, либо благодаря влиянию французской или немецкой социалистической и коммунистической литературы, не смогли проложить себе здесь дорогу. Красная лента и красное знамя означали в Бадене не что иное, как *буржуазную республику*»⁷⁶.

В связи с этим в статье затрагивается и вопрос о частной земельной собственности, крупной в Англии и мелкой в Германии. Симон с ужасом сообщает, что Маркс и Энгельс хотят «конфискации всей частной собственности и насильственного подавления любой частной формы присвоения»⁷⁷. Он делает пространное извлечение из «Третьего международного обзора», где говорится о разногласиях среди чартистов по земельному вопросу.

«Главным спорным пунктом между обеими фракциями чартистов является земельный вопрос. О'Коннор и его партия хотят *использовать хартию* для того, чтобы посадить часть рабочих на *мелкие участки земли* и в конце концов сделать парцелляцию земельной собственности всеобщим явлением в Англии. Известно, как провалилась его попытка осуществить эту парцелляцию в небольших масштабах при помощи акционерного общества. Тенденция каждой буржуазной революции — раздробить крупную земельную собственность, несмотря на то, что эта тенденция постоянно дополняется безусловной тенденцией мелкой собственности к концентрации, к гибели при столкновении с крупным сельскохозяйственным производством, могла некоторое время порождать у английских рабочих представление о предложенной О'Коннором парцелляции, как о чем-то революционном. Этому требованию парцелляции земельной собственности революционная фракция чартистов противопоставляет *требование конфискации всей земельной собственности и требует, чтобы она не была разделена, а оставалась бы национальной собственностью*»⁷⁸.

Симон подчеркивает отличие концепции Маркса и Энгельса от современных им систем утопического социализма, приводя со своим комментарием выдержки из «Классовой борьбы во Франции» Маркса: «И вот в то время как пролетариат уступает этот социализм мелкой буржуазии, а борьба между различными социалистическими вождями обнаруживает, что каждая из так называемых систем есть претенциозное подчеркивание одного из переходных моментов социального переворота в противоположность другим, — *пролетариат* все более объединяется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем *Бланки*. Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата* как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»⁷⁹.

Защищая частную собственность, Симон опирается на концепции Л. Блана и Прудона. Так, он пишет, в частности, по поводу приведенного выше фрагмента из «Классовой борьбы»: «Отличие этих планов от предложений Луи Блана очевидно сразу. В то время как Луи Блан диктаторски требует *конфискации* лишь части частной собственности (железные дороги, копи и т. п.) за компенсацию, чтобы полностью опрокинуть частное присвоение *примером* своих рабочих ассоциаций и сельскохозяйственных колоний, при этом *лишь моральным* *примером* и без применения в дальнейшем силы, — гг. Маркс и Энгельс конфискуют *всю* частную собственность (машины, капиталы и т. д.) *без всякой компенсации*, чтобы *насильственно* посредством коммунизма ассоциированного рабочего класса отменить частное присвоение»⁸⁰.

И наконец, Симон приводит тот отрывок из «Классовой борьбы во Франции», где Маркс говорит об условиях, при которых в тогдашней исторической обстановке была возможна победа пролетарской революции: «Задача рабочего, говорит г. Маркс, *разрешается не во Франции, она здесь только провозглашается*. Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ; война классов внутри французского общества превратится в *мировую* войну между нациями. Разрешение начнется лишь тогда, когда *мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии*. Однако революция, находящая здесь не свой конец, а лишь свое организационное начало, не будет кратковременной революцией. Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира»⁸¹.

Мы привели лишь отдельные фрагменты из того, что было процитировано Симоном. Помимо полемики с теоретическими положениями статей Маркса и Энгельса из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», в статье «Всеобщее право голоса и рабочая диктатура», в третьей ее

части, содержались и некоторые данные о расстановке сил в революционно-демократической эмиграции, а также о расколе среди пролетарских революционеров. При этом Симона не обманывает классовое чутье: несмотря на экстремистские планы группы Виллиха—Шаппера, он считал ее более умеренной и с откровенной враждой и страхом отнесся к течению, возглавляемому Марксом и Энгельсом, наиболее непримиримому по отношению к буржуазии, наиболее твердо выражающему позицию пролетариата.

Все написанное Зейлером, Гессом и Симоном в совокупности содержало довольно обширную информацию о Марксе и Энгельсе. Какие же существуют доказательства, что Герцен знал и читал эти материалы?

В отношении брошюры Зейлера с полной уверенностью можно сказать, что Герцен не только ее получил, но и прочитал. В письме к Г. Гервегу от 20 марта 1850 г. содержится ее прямая оценка, хотя и неслестная (XXIII, 310)⁸².

Сложнее обстоит дело с материалами Гесса. Известно, что Герцен живо интересовался всем, что писалось о его работах в западноевропейской и американской печати (см. XXIV, 168). Выступление Гесса вызвало у него живейший интерес и самый доброжелательный прием. Прося Гервега переслать свое письмо от 3—4 марта 1850 г., адресованное Гессу, Герцен пишет: «Его критика превосходна, с подобных позиций можно еще раз обсудить множество вопросов» (XXIII, 291). Гесс откликнулся на книгу «Vom anderen Ufer» одним из первых, и это было особенно интересно автору. Соображения Гесса показались Герцену столь значительными, что они не утратили для него интереса и в 1851 г., раз он сам захотел возобновить дискуссию. Аргументы Гесса принципиально отличались от той полемики, которая велась с Герценом в 1850—1851 гг. в немецкой демократической печати, и в частности от упомянутой выше полемики в журнале Колачека.

Существуют косвенные доказательства того, что отношения Герцена и Гесса между мартом 1850 и осенью 1851 г. (даты их известных писем) не прерывались⁸³. Вполне возможно, что летом 1851 г. в Женеве состоялось свидание Герцена и Гесса. Гесс жил в Женеве постоянно с апреля 1850 до конца 1851 г.⁸⁴, а Герцен останавливался в этом городе 28 и 29 июня и 5—7 июля 1851 г.⁸⁵ Вероятно, именно тогда они и договорились о возобновлении дискуссии, о которой Герцен писал Гессу осенью 1851 г. Какие-то отзвуки этих разговоров между Герценом и Гессом, в частности о Марксе, ходили в кругах, близких к Гессу. В июле 1850 г. Дронке сообщал, например, Энгельсу, что Герцен в Ницце и распространяет разного рода обвинения против Маркса⁸⁶.

Гесс постоянно получал новые работы Герцена: «Donoso Cortès, marquis de Valdegamas, et Julien, empereur romain», «Omnia mea mecum porto», «Briefe aus Italien und Frankreich», «Le peuple russe et le socialisme». Возможно, он читал и «Развитие революционных идей в России». Некоторые из этих работ, вероятно, были получены Гессом прямо от Герцена, например «Le peuple russe et le socialisme». Более того, Герцен, видимо, специально разъяснял своему корреспонденту отдельные вопросы. Так, в одном из вариантов письма Гесса к Герцену от ноября 1851 г. говорится: «Прочитав со всем вниманием, которого они заслуживают, ваши немецкие и французские труды, начиная с „Vom anderen Ufer“ и до вашего письма к гражданину Мишле „Le peuple russe et le socialisme“, и комментарии, которые вы оказали честь мне сделать...»⁸⁷.

Разумно предположить, что, посылая весной 1850 г. Ю. Кампе для издания «Письма к Искандеру», Гесс отправил копию их самому Герцену. Осенью 1851 г. он поступил именно так: сохранившийся экземпляр письма от 18 ноября 1851 г., полученный Герценом, и почти идентичные ему два варианта к Кроликовскому⁸⁸ — убедительное тому доказательство. Таким образом, можно утверждать с большой долей вероятности, что Герцен знал текст «Писем к Искандеру», состоявший из четырех статей (или писем), а также предпосланное им «Письмо европейской буржуазии».

Можно считать, что Герцен знал и «Jugement dernier...». В письме Дронке к И. Вейдемейеру от 7 августа 1851 г. говорится: «Мозес Гесс написал брошюру „Dernier jugement du vieux monde social“, на расходы для печатания которой русский Герцен дал деньги»⁸⁹. Таким образом, содержание этой брошюры Герцен должен был знать.

Можно утверждать, что Герцен читал и статью Симона. В 1850—1851 гг. он был тесно связан с Колачеком и, как уже говорилось выше, печатался на страницах его журнала. Из переписки Герцена видно, что он регулярно получал «Deutsche Monatsschrift...» (XXIV, 110, 122, 143, 162—163, 169—170). Статья Симона не могла пройти мимо внимания Герцена хотя бы потому, что автор

* Курсив мой. — В. С.

пытается там полемизировать не только с Марксом и Энгельсом, но и с самим Герценом. К тому же в это время в Ницце жил член редакции журнала и фактический глава этой группы К. Фогт, с которым Герцен повседневно общался. С другой стороны, члены общины Союза коммунистов в Женеве знали о выступлении Симона против Маркса. Несмотря на раскол в Союзе коммунистов, статья Симона против Маркса означала для них окончательный разрыв с мелкобуржуазными демократами⁹⁰. Гесс, возглавлявший общину, также мог обсуждать этот вопрос с Герценом в случае, если в июне и июле 1851 г. он встречался с ним в Женеве.

Таким образом, в 1850—1851 гг. от Зейлера, Гесса и Симона Герценом была получена довольно обширная информация о Марксе и Энгельсе. Как уже говорилось, она носила субъективный, а зачастую враждебный и даже клеветнический характер (за исключением брошюры Зейлера). Таким образом, Гесс и Симон внесли свою лепту в укрепление недоброжелательного отношения Герцена к основоположникам научного коммунизма, а попытка объективной оценки роли Маркса в революции 1848 г. со стороны Зейлера, по-видимому, вызвала лишь раздражение Герцена. Ложное представление о личности Маркса, имевшее столь субъективную, пристрастную окраску, накладывалось на ряд других обстоятельств (мы не говорим здесь об этих широко известных фактах) и способствовало укреплению настороженного и недоброжелательного отношения Герцена к Марксу и Энгельсу.

Отрицательную реакцию Герцена вызвало и враждебное отношение Гесса к его «славянскому мессианизму», негативная оценка Гессом Прудона, которого Герцен в это время очень высоко ценил, испытав на себе влияние некоторых его идей⁹¹. Немалую роль сыграл и грубый, «казарменный» подход Гесса к проблеме личности и ее прав, а также его бестактный поучающий тон.

Однако знакомство Герцена с этими источниками нельзя сводить лишь к отрицательному результату. В самых общих чертах в них излагались некоторые положения исторического материализма Маркса и Энгельса, их представление о всемирно-исторической роли пролетариата, пролетарской революции и диктатуре пролетариата, критика Марксом и Энгельсом утопического социализма вообще и доктрины Прудона в особенности. Герцен мог составить себе представление о роли Маркса в развитии немецкой философской мысли, о революционном перевороте, который он совершил в этой области, о его роли как главы немецких коммунистов. Конечно, при этом следует иметь в виду, что информация о теоретических положениях марксизма носила фрагментарный и вторичный характер, это неизбежно вело и к упрощению, и к вульгаризации.

Герцен получил сведения о некоторых работах Маркса и Энгельса — о «Нипете философии» Маркса *, об их статьях из «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*». С обширными выдержками из последнего издания, особенно из «Классовой борьбы во Франции», «Германской кампании за имперскую конституцию», международных обзоров и др., он ознакомился по статье Симона.

Герцен мог составить общее представление о Марксе и Энгельсе как не только теоретиках пролетарской партии, но и политических борцах, вождах рабочего класса. Он знал об издании Марксом и Энгельсом «*Neue Rheinische Zeitung*» и «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» (о последнем журнале писали и Зейлер, и Гесс, и Симон); об оценке Марксом кардинальных событий революции 1848 г.; о его роли в этой революции, а также отчасти и о роли Энгельса (выступление Маркса против авантюристической тактики немецких мелкобуржуазных демократов, против создания немецкого легиона, его деятельность в Клубе немецких рабочих в Париже, участие Энгельса в Баденско-пфальцском восстании и др.).

Герцен был знаком с материалами Зейлера, Гесса и Симона, и это должно было сказаться в его сочинениях и письмах. Приступая к поиску этих следов, нужно иметь в виду те самые «печальные недоразумения», которые постоянно возникали между обеими сторонами. Прежде всего, как мы уже неоднократно говорили выше, сама информация о Марксе и Энгельсе, особенно в статье Симона, имела враждебный и даже клеветнический характер, искажавший суть воззрений основоположников научного коммунизма. Однако при всем открыто враждебном (Симон) и порой раздраженно-недоброжелательном (Гесс) отношении к Марксу и Энгельсу, при всем недоверии Герцена к Зейлеру, при всех неизбежных искажениях их мысли нельзя было умалить революционной новизны воззрений, теоретической глубины и значимости их идей. Герцена могла раздражать высокая оценка Маркса Зейлером и Гессом⁹², он мог с ней не соглашаться, но представление об исключительности личности Маркса и его интеллекта, принципиальной новизне его воззрений — хотел того Герцен или нет — постепенно откладывалось в его сознании.

* Вероятно, эту работу он прочел еще в 1847 г. в Париже, где она тогда вышла в свет.

Разумеется, на основании только тех материалов, которые приведены в настоящем сообщении, нельзя ставить перед собой задачи выявления влияния Маркса и Энгельса на определение позиции Герцена в 1850—1860-х годах по отношению к важнейшим социально-экономическим и политическим проблемам современности, на формирование его отношения к пролетариату и впоследствии к Международному товариществу рабочих. Во-первых, мы не знаем достоверно, что к 1850 г. Герцен уже знал о взглядах Маркса и Энгельса; во-вторых, безусловно, помимо Зейлера, Гесса и Симона, и в указанные годы Герцен получал сведения о работах основоположников марксизма по другим каналам. Рассмотренные материалы дают возможность сделать лишь ограниченные выводы.

Знакомство с подлинными текстами Маркса и Энгельса (по публикации Симона) выявило для Герцена по крайней мере одну общую для обеих сторон точку зрения — беспощадную критику мелкобуржуазного и буржуазного политического радикализма как во Франции, так и в Германии. Причем, в отличие от критики Прудона, носившей огульный и зачастую абстрактный характер, критика Маркса и Энгельса, рассматривавшая отдельные институты буржуазной демократии — всеобщее избирательное право, буржуазный парламентаризм и др. — в конкретной, быстро меняющейся политической обстановке, в их диалектическом развитии, не могла не представить глубокого интереса для Герцена, воспитанного на гегелевской философии, и не показать беспомощность его оппонента (Л. Симона). Для Герцена в этих фрагментах из работ Маркса и Энгельса многое должно было бы быть новым — строго классовый анализ мотивов действий отдельных социальных слоев, групп, партий, политических деятелей во французской революции 1848 г., открытое изложение позиции пролетариата, анализ программы чартистов и другое. Разумеется, многое осталось ему чуждо, но был дан толчок подспудной пока работе мысли. В его представления о социальной структуре тогдашнего европейского общества, политических партиях, развитии общественного сознания были введены новые факторы, и с этим нужно считаться, рассматривая сложный путь идейного развития Герцена.

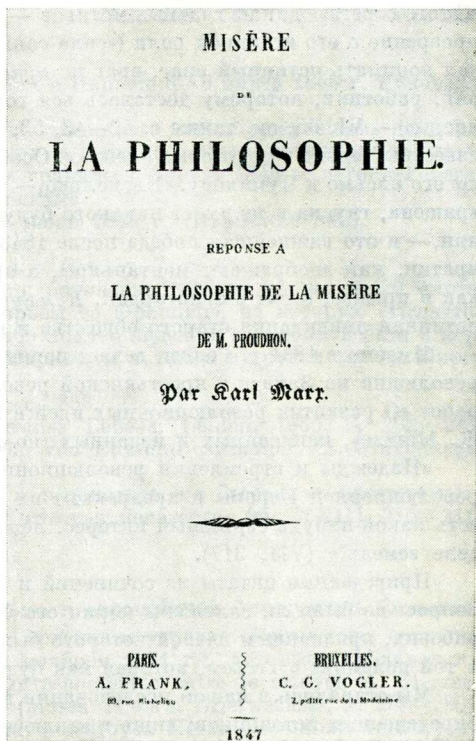
Не под влиянием ли полемики с Гессом Герцен уточняет значение своей концепции истории в книге «С того берега» и в письме московским друзьям от 19—20 июня 1851 г.: «Да вы всё не так смотрите на мою философию истории, это не наука, а обличение, это бич на нелепые теории и на нелепых риториков-либералов, фермент — и больше ничего, но это захватывает и ведет к жизни, это сердит и заставляет думать» (XXIV, 184).

Не под влиянием ли оценки Гессом (в «Jugement dernier...») роли Маркса в развитии революционной мысли в Германии Герцен пишет в 1851 г., что «лишь в последнее время немцы признали тесную связь науки и революции» (VII, 252)⁹³.

Не под влиянием ли полемики с Гессом — и особенно процитированных Симоном критических работ Маркса и Энгельса — он в еще большей степени укрепляется в отрицательном отношении к буржуазному и мелкобуржуазному радикализму, в понимании его бесполезности и антинародного характера?

В письме Герцена к А. А. Чумикову от 9 августа 1851 г. трактовка классовой сущности Июньских дней 1848 и 13 июня 1849 г. в какой-то мере близка к «Классовой борьбе во Франции» Маркса (XXIV, 198)⁹⁴.

Влияние идей Маркса и Энгельса сказалось в нюансировке отношения Герцена к пролетариату, к пониманию его роли в революционном процессе, а также к коммунизму. Если в книге

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ К. МАРКСА
«НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ»
Париж — Брюссель, 1847
Титульный лист

«С того берега» один из главных мотивов — сочувствие парижскому пролетарию и лишь мелькает прозрение о его истинной роли («сила социальных идей велика, особенно с тех пор, как их начал понимать истинный враг, враг по праву существующего гражданского порядка — пролетарий, работник, которому досталась вся горечь этой формы жизни и которого миновали все ее плоды» — VI, 55, см. также с. 42—43, 53, 57)⁹⁵, то в статьях и письмах 1851 г. намечается известный сдвиг в некоторых оценках. Особенно интересно в этом отношении уже упомянутое выше его письмо к Чумикову. «Насколько, — пишет он там, — вся образованная часть Франции развращена, гнусна и не имеет никакого будущего, настолько велики пролетарии и даже крестьянин, — и это важнейшая победа после 1848 г...⁹⁶ Французский народ — армия, армия не демократии, как воображают монтаньяры, а армия коммунизма... И вот отчего французы теперь, как и прежде, стоят в авангарде... *Коммунизма бояться нечего, он же неотератим* *, это будет истинная ликвидация старого общества и введение во владение нового» (XXIV, 198—199).

Именно в 1851 г. Герцен делает первые шаги на пути к идее взаимодействия пролетарской революции на Западе с крестьянской революцией в России. Приведем несколько цитат из его работ «О развитии революционных идей в России» и «Русский народ и социализм. Письмо г-ну Ж. Мишле», написанных и изданных (по-французски) в 1851 г.:

«Надежды и стремления революционной России совпадают с надеждами и стремлениями революционной Европы и предрекают их союз в будущем» (VII, 255); «Разве в XIX столетии есть какой-нибудь серьезный интерес, лежащий вне вопроса о коммунизме, вне вопроса о разделе земель?» (VII, 317).

Приведенные цитаты из сочинений и писем Герцена за 1851 г. дают нам право поставить вопрос: не были ли заложены корни его будущего поворота к Международному товариществу рабочих, признанным главой которого был Маркс, еще тогда, в 1850—1851 гг., в частности, в той полемике с Гессом, которая как будто прошла, не затронув Герцена?

Мы старались в нашем исследовании не выходить за рамки 1850—1851 гг. и за узкий круг определенных источников; лишь в заключение мы позволим себе обратиться к последним годам жизни Герцена. Он пишет Огареву 29 сентября 1869 г.:

«Дай бог успеха бакунинскому» переводу Маркса **⁹⁷ — я одного не понимаю, почему же он держал под сурдинкой свои сношения с ним. Вся вражда моя с марксистами — из-за Бакунина» (XXX, 201)⁹⁸. В этих немногих словах чувствуется столько горечи и тайного сожаления о злополучном характере отношений с Марксом, в этих словах сквозит понимание роли и значения Маркса, и не был ли поворот в идейном развитии великого русского мыслителя в конце его жизни поворотом не только к Интернационалу, но и к самому Марксу, к марксизму? И, вероятно, не случайно то обстоятельство, что Герцен при жизни не опубликовал главу «Былого и дум» — «Немцы в эмиграции».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII. М.—Л., 1926, с. 443.

² Я. Эльсберг. Герцен. Жизнь и творчество. М., 1963, с. 313—314, 341—342, 348, 406—410 и др.; Г. Фридендер. Маркс и Энгельс и вопросы литературы. М., 1978, с. 544—549; С. С. Волк. Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969, с. 45—51; ЛЖГ I, 46—17.

³ Это исследование проведено в научно-справочном аппарате 2-го русского издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и издания на английском языке (Collected Works); см. также: Н. С. Румянцев. Изучение Ф. Энгельсом русской истории и русской культуры в 50-х годах XIX в. (Сб. «Энгельс и проблемы истории». М., 1970, с. 274—275); Р. П. Конюша. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1973, с. 386—387.

⁴ В. Шульгин. К вопросу о проникновении марксизма в Россию в 40—60-х годах XIX века («Историк-марксист», 1939, № 5-6, с. 168—169); Л. Ланский. Библиотека Белинского («Лит. наследство», т. 55, с. 568—571); Он же. Введение к публикации «Письма Герцена к разным лицам» («Лит. наследство», т. 61, с. 207); Я. Эльсберг. Указ. соч., с. 237.

⁵ В. Г. Белинский. Соч., т. XII. М., 1956, с. 448—449, 468; см. также: В. С. Нечаев. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848. М., 1967, с. 363, 370—379; Б. Ф. Егоров. П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х—1850-х гг. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 200. «Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение». Тарту, 1968, с. 59—60); В. А. Смирнов. К. Маркс и «Парижские письма» П. В. Анненкова (Сб. «Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1974, № 26, с. 114—116).

* Курсив мой. — В. С.

** Речь идет о переводе I тома «Капитала». — В. С.

⁶ Это забытое издание введено в научный оборот Л. Р. Ланским. См.: «Лит. наследство», т. 64, с. 141—142; *ЛЖГ* I, 550.

⁷ См. «Былое и думы» (X, 44—53).

⁸ Речь идет о Клубе немецких рабочих, основанном в Париже 8—9 марта 1848 г. Руководящую роль в этом клубе играл К. Маркс.

⁹ Участники немецкого добровольческого легиона, созданного мелкобуржуазными демократами (Г. Гервегом, А. Борнштедтом и др.) весной 1848 г. в Париже с целью вторжения в Германию и установления там республики. После перехода границы в апреле 1848 г. легион Гервега был разгромлен в Бадене правительственными войсками.

¹⁰ Речь идет о востании парижских рабочих в июне 1848 г. (Июньские дни).

¹¹ S. Seiler. Op. cit., S. 21.

¹² Ibid., S. 44; см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 67.

¹³ Обращает на себя внимание следующая деталь: брошюра Зейлера вышла до 20 марта, а соответствующая — третья — глава «Классовой борьбы во Франции», на которую ссылается Зейлер, — около 11 апреля 1850 г. Таким образом, либо Зейлер видел ее в рукописи (или в корректуре), либо знал о ее содержании из уст самого Маркса. И в том и в другом случае Маркс мог знать о работе Зейлера.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, с. 353.

¹⁵ Ed. Silberner. Moses Hess. Geschichte seines Lebens. Leiden, 1966, S. 292—293.

¹⁶ См.: Moses Hess. Briefwechsel. Herausgegeben von Edmund Silberner. 'S.-Gravenhage, 1959, S. 228—229.

¹⁷ Герцен обещал быть в Цюрихе в декабре 1849 г. и повидаться с Гессом; он приехал туда 20 декабря и 22-го уехал; виделись ли они с Гессом в этот раз, неизвестно (см. XXIII, 210—211; *ЛЖГ* I, 528—530).

¹⁸ Moses Hess. Briefwechsel, S. 239.

¹⁹ Ibid., S. 233—234, 239—246.

²⁰ По-видимому, речь идет о брошюре Гесса «Письмо к европейской буржуазии». См. ниже.

²¹ Опубликовано в ААН, 81—84. Конец письма в оригинале утрачен. Кроме того, сохранилось еще два варианта этого письма (датированы ноябрем 1851 г.), которые опубликованы Э. Зильбернером. Первый из них носит заголовок: «Correspondance entre le citoyen A. Herzen, socialiste russe, et le citoyen M. Hess. Novembre 1851» (Moses Hess. Briefwechsel, S. 277—280). Второй — «Lettres du citoyen Hess, socialiste allemand, au citoyen Herzen, socialiste russe» («La correspondance Moses Hess — Louis Krolkowski. 1850—1853». — «Annali», 1960, p. 616—619). Вариант из «Briefwechsel» опубликован с купюрами на русском языке Л. Ланским в «Вопросах литературы» (1975, № 4, с. 211—213).

²² Черновики и наброски писем Гесса к Герцену, написанных по-немецки, хранятся главным образом в IISG. О них в нескольких словах упоминал Т. Злоцисты, а частично они были впервые опубликованы Ирмой Гойтейн (Th. Zlocisti. Moses Hess. Der Vorkämpfer des Sozialismus und Zionismus, 1812—1875. Eine Biographie. Berlin, 1921, S. 249—250; Irma Goitein. Probleme der Gesellschaft und des Staates bei Moses Hess. Leipzig, 1934). Публикация Гойтейн, содержащая ряд неточностей, послужила источником при перепечатке этих писем на русском языке в «Лит. наследство», т. 7-8, с. 72—89 (в переводе И. Б. Румера). Наиболее полная публикация писем Гесса к Герцену осуществлена в 1959 г. Э. Зильбернером (Moses Hess. Briefwechsel, S. 233—264). Он поместил десять черновиков и набросков к письмам, относящимся к февралю — апрелю 1850 г., под № 141—145, 147—151. Только одно из них (№ 141) — личное. Письма же, пропущенные в публикации Зильбернера как № 145, 147, 148, 149, 150, написаны в форме полемических статей по поводу работы Герцена «Vom anderen Ufer» и его же статьи «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамос...» (впоследствии включалась Герценом в качестве главы в книгу «С того берега»). Сам Гесс обозначил последовательность этих статей, получивших название «Писем к Искандеру», цифрами 1, 2, 3, 4, причем к № 148 и 149 он поставил цифру 3 и 3а (возможно, Гесс в конечном варианте включил эти два наброска в одну статью — написаны они примерно в одно и то же время и едины по теме). Последовательность этих статей (писем) Зильбернер обозначает следующим образом: № 145—1, № 147—2, № 148—3, № 149—3а, № 150—4; № 142, 143, 144, 151 носят характер предварительных набросков, некоторые из них (№ 142) нельзя датировать однозначно; мысли, содержащиеся в них, могли возникнуть у Гесса в разные моменты его полемики с Герценом. Набросок № 144 содержит постраничные замечания к работе Герцена «Vom anderen Ufer». В публикации Зильбернера определены даты отдельных писем; некоторые из них, на наш взгляд, нуждаются в уточнении. В дальнейшем при анализе писем мы указываем исправления в их датировке.

²³ «Карл Маркс. Биография». М., 1968, с. 98.

²⁴ «Лит. наследство», т. 7-8, с. 75. Русский текст здесь и далее воспроизводится по публикации в «Лит. наследство», сверенной с кн.: Moses Hess. Briefwechsel, S. 239.

²⁵ В публикации Зильбернера (№ 147, 2) письмо датируется так: «приблизительно март 1850 г.» (Moses Hess. Briefwechsel, S. 249). В *ЛЖГ* I, с. 548 — дата — «март, первая половина, после 8». Письмо написано после получения письма Герцена от 3 марта (отправлено Гессу через Гервега 4 марта) и до получения Гессом статьи Герцена о Донозо Кортесе, опубликованной в «Voix du Peuple» 18 марта 1850 г.

²⁶ Moses Hess. Briefwechsel, S. 252—253; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 83.

²⁷ Ibid., S. 253—254; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 84.

²⁸ В публикации Зильбернера это письмо (№ 148, 3) датировано «концом марта или началом апреля». Дата определяется тем, что данное письмо, как и примыкающее к нему (№ 149,

3а), написано после 18 марта (дата публикации статьи Герцена о Донозо Кортесе в «Voix du Peuple») и до получения Гессом статьи Прудона «Philosophie du 10 mars», опубликованной в «Voix du Peuple» 25 и 29 марта 1850 г.

²⁹ «Briefe aus Italien und Frankreich (1848—1849) von einem Russen, Verfasser des «Vom anderen Ufer». Hamburg, 1850. Книга поступила в продажу, вероятно, в первых числах марта (ЛЖГ I, с. 544).

³⁰ Речь идет о первом выпуске «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», в котором были опубликованы работы Маркса «Июньское поражение 1848 г.» (первая глава «Классовой борьбы во Франции») и Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» (первые две главы).

³¹ О том, что имеется в виду Англия, ясно из одного из черновых набросков (в публикации Зильбернера № 142): «Прочитав эти вещи, вы найдете, что наша партия, хотя и не в понимании Кортеса, будет представлена достойно в Германии и что «учителя социализма» находятся не во Франции, не в Германии — они в Англии» (Moses Hess. Briefwechsel, S. 235).

³² Moses Hess. Briefwechsel, S. 255—257; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 84—85.

³³ Moses Hess. Briefwechsel, S. 257—258; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 85—86.

³⁴ В публикации Зильбернера — № 149, 3а (см. прим. 22). О дате этого письма см. прим. 28; Зильбернер датирует его приблизительно апрелем 1850 г. (Moses Hess. Briefwechsel, S. 258).

³⁵ «Лит. наследство», т. 7-8, с. 86—87; Moses Hess. Briefwechsel, S. 259—260.

³⁶ Ibid., S. 261; там же, с. 88.

³⁷ Ibid., S. 256; там же, с. 85.

³⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 173, ед. хр. 19, л. 10.

³⁹ Moses Hess. Briefwechsel, S. 256; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 85.

⁴⁰ У Зильбернера (№ 150, 4) датировано примерно серединой 1850 г. (Moses Hess. Briefwechsel, S. 261); более верная датировка в ЛЖГ I, с. 559 — апрель 1850 г. Скорее всего, письмо Гесса было завершено уже к 5 апреля, когда он послал весь цикл своих писем-статей для публикации. См.: Moses Hess. Briefwechsel, S. 265.

⁴¹ Moses Hess. Briefwechsel, S. 263.

⁴² В одном из набросков он подверг критике и метод Прудона; Зильбернер датирует этот набросок по-разному: в одном случае приблизительно 1850—1851 гг., в другом — январем 1852 г. (Moses Hess. Briefwechsel, S. 263; «Bulletin of the International Institute of Social History», 1954, N 3, p. 242). Возможно, однако, что он был сделан именно в марте-апреле 1850 г.

⁴³ Эта работа неизвестна исследователям. Э. Зильбернер считает, однако, что фрагмент этой статьи хранится в IISG. Основная идея в этом фрагменте сводится к тому, что Гесс предлагает европейской буржуазии объединиться с народом, чтобы противостоять победе «реакционного социализма», который еще более опасен для нее, чем победа пролетарской революции. См.: Ed. Silberner. Moses Hess, S. 308.

⁴⁴ Moses Hess. Briefwechsel, S. 264, 265.

⁴⁵ Ibid., S. 265—266.

⁴⁶ Злоисти писал, что по некоторым намекам можно предположить, будто одна французская социалистическая газета опубликовала эти письма (T. Zlocisti. Moses Hess, S. 249). Однако это предположение до сих пор не подтвердилось.

⁴⁷ Ed. Silberner. Moses Hess, S. 309.

⁴⁸ Ibid., S. 312—313, 665.

⁴⁹ M. Hess. Jugement dernier du vieux monde social. Genève, 1851. Первоначально эта работа печаталась в газете Э. Кабе «Populaire de 1841» (январь — июнь 1851 г.), которую в это время редактировал Л. Кроликовский (Ed. Silberner. La correspondance Moses Hess — Louis Krolikowski. 1850—1853. — «Annali», 1960, p. 592, 594—595).

⁵⁰ «Наше общество, движимое грубым эгоизмом, основано на рабском труде и имеет конечным результатом всеобщую эксплуатацию человека человеком, наше европейское общество исчерпало свои возможности для жизни и прогресса; оно одряхлело, оно умрет» (M. Hess. Jugement dernier..., p. 26). Ср. с «Omnia mea mecum porto» в «Vom anderen Ufer» (VI, 145 и др.).

⁵¹ M. Hess. Jugement dernier..., p. 29.

⁵² «La vile multitude» («презренная толпа») — выражение из речи А. Тьера в Законодательном собрании Франции 24 мая 1850 г. («Moniteur Universel», № 145, 25.V).

⁵³ Здесь Гесс дает под строкой точное библиографическое описание: «Misère de la Philosophie. Réponse à la Philosophie de la misère, de M. Proudhon». Paris, librairie A. Franck, rue Richelieu, № 69 (M. Hess. Jugement dernier..., p. VIII).

⁵⁴ Речь идет о журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue».

⁵⁵ Насколько нам известно, до сих пор только последние три фразы из брошюры Гесса опубликованы по-русски в статье: Г. Лукач. Новая биография М. Гесса («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III. М., 1927, с. 458).

⁵⁶ M. Hess. Jugement dernier..., p. VII—IX.

⁵⁷ Ibid., p. IX.

⁵⁸ «Annali», 1960, p. 599.

⁵⁹ Речь идет о продолжении «Populaire de 1841», печатавшемся под названием «Républicain Populaire et Social». Всего вышло два номера — 11 октября и 29 ноября 1851 г. Выход «Populaire de 1841» прекратился 4 октября 1851 г.

⁶⁰ Moses Hess. Briefwechsel, S. 276; «Annali», 1960, S. 610.

⁶¹ По-видимому, речь идет о брошюре Герцена «Le peuple russe et le socialisme», вышедшей в свет в Париже в 1851 г. В черновом варианте данного письма, опубликованном в «Annali», Гессом сделана следующая пометка: «Самая последняя работа гражданина Герцена только что появилась в иностранной книготорговле А. Франка, Париж, rue Richelieu, под названием: «Le peuple russe et le socialisme. Lettre à Jules Michelet, professeur au Collège de France». В том же книжном магазине есть и другие работы, немецкие и французские, того же автора» («Annali», 1960, р. 619). Несколько ранее, в том же 1851 г., вышла брошюра Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie»; не исключено, что Гесс имеет в виду ее, а о «Le peuple russe et le socialisme» говорит ниже.

⁶² Возможно, что речь идет о Ж. Б. Гринане, участнике революции 1848—1849 гг. в Лионе.

⁶³ ААН, р. 81. Это письмо само по себе для нашей темы не представляет интереса. В нем Гесс не только ни разу не упоминает о Марксе, но и существенно отходит от своих первоначальных позиций.

⁶⁴ Об истории взаимоотношений Герцена с немецкими мелкобуржуазными демократами, группировавшимися вокруг «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», см.: «Вестник Европы», 1914, № 4, с. 118—160; E. W o l f g r a m m. Alexander Herzen und die «Deutsche Monatsschrift» («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1954, Beiheft I, S. 78—104).

⁶⁵ «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», 1851, Bd. I, H. 3, S. 401—414; Bd. 2, H. 5, S. 161—175, 279—291. О Л. Симоне см. выше, в публикации «Переписка с К. Фогтом».

⁶⁶ Герцен назван в статье Симона прозвищем Admonitor. Автор обыграл подзаголовок герценовской публикации «Omnia mea mecum porto» в «Deutsche Monatsschrift...» (август 1850 г.): «Eine freundliche Admonition», т. е. «Дружеское предупреждение». Фрагмент статьи Симона, содержащий критику Герцена, опубликован в Л V, 543.

⁶⁷ Эти ожесточенные нападки были продиктованы и личными мотивами, так как Маркс в 1850 г. подверг резкой критике брошюру Симона «Ein Wort des Rechts für alle Reichsverfassungskämpfer an die deutschen Geschwornen» (Frankfurt a.M., 1849). См.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 7, с. 214—217.

⁶⁸ Речь идет о журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue».

⁶⁹ В первой части своей статьи Симон рассказывает о событиях во Франции с момента Февральской революции 1848 г.

⁷⁰ «Deutsche Monatsschrift...», 1851, Bd. II, H. 5, S. 162.

⁷¹ Ibid.; см.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 7, с. 205. Здесь и далее пометы и курсивы в тексте Маркса и Энгельса принадлежат в основном Симону. Как правило, он цитирует довольно точно; незначительные расхождения нами не оговариваются.

⁷² Ibid., S. 164—165; там же, с. 30—31.

⁷³ Ibid., S. 167.

⁷⁴ Ibid., S. 287.

⁷⁵ Ibid., S. 167—168; см. там же, с. 17.

⁷⁶ Ibid., S. 171; см. там же, с. 141, 142.

⁷⁷ Ibid., S. 173.

⁷⁸ Ibid., S. 164; см. там же, с. 472—473.

⁷⁹ Ibid., S. 163; см. там же, с. 91.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid., S. 174; см. там же, с. 80.

⁸² Возможно, что эта оценка связана с отрицательным отношением Герцена к личным качествам Зейлера, которые столь же отрицательно оценивались и Марксом, и Энгельсом (см.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 27, с. 199, 493 и др.; т. 29, с. 10—11, 19 и др.).

⁸³ Э. Зильбернер, в частности, указывает, что в конце 1850 г. Гервер, Герцен, Фогт, Гесс, Э. Дронке, Симон и Ф. Зигель будто бы часто устраивали тайные встречи с Маццини. При этом он основывается на полицейском досье Гесса, в котором излагается, по его утверждению, содержание письма самого Гесса из Женевы (E. S i l b e r n e r. Moses Hess, S. 315). Разумеется, эти сведения нуждаются в критической проверке; об отлучках Герцена осенью 1850 г. из Ниццы в Женеву до сих пор известно не было. Более того, как явствует из письма Герцена к Маццини от 13 сентября 1850 г. и главы XI «Былого и дум», он отрицательно относился к планам Маццини насчет организации Центрального комитета европейской демократии. Встречи Герцена с Маццини в апреле-мае 1850 г. действительно имели место, но не в Женеве, а в Париже (X, 152—153, 475—476; т. XXIV, 37, 141—142); ЛЖГ I, с. 558, 565.

⁸⁴ E. Silberner. Moses Hess, S. 665.

⁸⁵ ЛЖГ II, с. 36, 39, 40.

⁸⁶ «Marx-Engels Gesamtausgabe», dritte Abteilung. Briefwechsel, Bd. III, S. 610. Если принять во внимание, что Дронке в 1850 г. довольно тесно общался с Гессом, то, по-видимому, за этим стоят какие-то реальные факты (ibid., S. 595, 649, 662, 685).

⁸⁷ Moses Hess. Briefwechsel, S. 277.

⁸⁸ См. прим. 21.

⁸⁹ «Zeitgenossen von Marx und Engels. Ausgewählte Briefe aus den Jahren 1844 bis 1852. Herausgegeben und annotiert von Kurt Koszyk und Karl Obermann». Amsterdam, 1975, S. 417; см. также: E. S i l b e r n e r. Moses Hess, S. 321.

⁹⁰ Письмо П. Иманда Центральному комитету С. К. от 11 марта 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 188).

⁹¹ См. вступительную статью к разделу «Герцен и Франция».

⁹² Отзвуки полемики с Зейлером и Гессом, в частности, мы находим в отрицательных и иронических высказываниях Герцена о Марксе («неузнанный гений первой величины — Маркс» — XI, 159 и др.).

⁹³ M. H e s s. Jugement dernier..., p. VIII.

⁹⁴ С оценкой этих событий Марксом Герцен мог познакомиться по статье Симона и по брошюре Зейлера.

⁹⁵ Мы не затрагиваем здесь вопроса, насколько на суждения Герцена повлияли работы Маркса, с которыми он был знаком ранее, дискуссии о роли пролетариата в 1847 г. и т. п.

⁹⁶ В «Былом и думах» Герцен называет городских рабочих «искренним и настоящим элементом революции» (X, 219).

⁹⁷ Об участии М. А. Бакунина в переводе т. I «Капитала» Маркса см. в письме Н. Н. Любавина к Марксу от 8 (20) августа 1872 г. (сб. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, с. 257—260).

⁹⁸ Это письмо Герцена к Огареву впервые опубликовано в 1923 г. (Л XXI, 410). Стало быть, В. И. Ленин его еще не мог знать, когда в 1912 г. писал свою статью о Герцене.